

На правах рукописи

Пименова Ксения Викторовна

**ВОЗРОЖДЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ И ПРАКТИК ТУВИНЦЕВ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Специальность: 07. 00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2007

Диссертационная работа выполнена
в Центре междисциплинарных исследований
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доктор исторических наук,
доцент В.И. Харитонов

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Е.В. Ревуненкова
кандидат исторических наук Н.П. Москаленко

Ведущая организация:

Институт востоковедения РАН (Отдел истории Востока)

Защита состоится 27 февраля в 14.30 часов на заседании диссертационного совета К. 002. 117. 01 Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. В. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Автореферат разослан 26 января 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Б. Наумова

Общая характеристика работы

За последнее столетие Тува (Сойотия, Урянхайский Край, в настоящее время – Республика Тыва в составе РФ) прошла несколько этапов исторического развития, каждый из которых сопровождался социально-демографическими трансформациями и культурно-политическими преобразованиями. С 1756 г. по 1911 г. Тува находилась в составе государства маньчжуро-китайской династии Цин. В 1914 г. над Урянхайским Краем был установлен российский протекторат. В 1921 г. было создано независимое государство Тувинская Народная Республика (ТНР), которое входило в орбиту политических и экономических интересов СССР. В 1944 г. Тува присоединилась к СССР как автономная область, в 1961 г. была преобразована в Тувинскую АССР, а с 1993 г. Тува стала Республикой Тыва в составе Российской Федерации. Тувинцы – тюркоязычный народ Южной Сибири, составляющий этническое большинство в Республике Тыва.

Начало последней и самой масштабной волны распространения буддизма в варианте «желтошапочной» школы (*гелугпа*) относится ко второй половине XVIII в. В Туве буддизм взаимодействовал с добуддистскими верованиями и культурами тувинцев, в первую очередь – с шаманизмом. Буддизм и шаманизм определили формирование этнической культуры и менталитета тувинцев. Они рассматриваются в рамках действующего законодательства Республики Тыва как традиционные конфессии¹.

Социально-политические и культурные трансформации тувинского общества в XX в. повлияли на судьбу традиционных верований тувинцев. С начала 1930-х до середины 1980-х гг. буддистский и шаманский культы подвергались гонениям. Снос монастырей (тув.: *хурээ*) и репрессии в отношении лам привели к фактически полному исчезновению монашеской общины (*сангхи*) и разрушению институциональной системы воспроизводства ламства.

С конца 1980-х гг. наблюдается активизация интереса тувинцев, в первую очередь – тувинской интеллигенции, к традиционным верованиям своего народа. С начала 1990-х гг. предпринимаются целенаправленные попытки создания религиозных объединений и восстановления утраченных традиций. Настоящая работа посвящена проблемам возрождения верований и обрядовых практик тувинцев в постсоветский период (1991-2005 гг.).

¹ Закон Республики Тыва «О свободе совести и религиозных организациях» от 16 марта 1995 г. Гл. 1, ст. 1 // Протокол пятого заседания первой сессии Верховного Хурала РТ. Кызыл, 1994.

Актуальность и практическая значимость исследования.

Актуальность работы определяется прежде всего необходимостью этнографического изучения духовной культуры тувинцев в постсоветское время с использованием новых методологических подходов к анализу современных материалов. Духовная культура любого народа – не застывшая данность, но динамичная совокупность представлений, верований, обрядов и практик, которая должна рассматриваться в контексте политических и социокультурных трансформаций общества.

Традиционные верования тувинцев были объектом исследований русских и советских этнографов и фольклористов. В условиях политических реалий советского времени этнографическое изучение разных аспектов тувинского буддизма и шаманизма проводилось в основном в исторической перспективе и, как правило, преследовало цели *реконструкции* духовной культуры тувинцев. Таким образом, наиболее исследованным на сегодняшний день оказался период конца XIX – середины XX вв.

Сегодняшний тувинский «религиозный ренессанс» обнаруживает сходство с аналогичными процессами, протекающими у других коренных народов Севера, Сибири и Европейской части РФ – бурят, якутов, хакасов, калмыков. Важные теоретические проблемы современного возрождения верований и обрядности, такие как трансформации обрядовой культуры в постсоветское время, двоеверие, синкретизм, шаманское наследование освещались в работах последних лет в сравнительной перспективе, в том числе и с привлечением тувинского материала.

Вместе с тем, некоторые вопросы практически не были рассмотрены в этнографической и социологической литературе. К таковым относятся проблемы трансформации представлений о личности шамана в постсоветское время; реконструкция семейных легенд о шаманах-предках; использование элементов буддистской обрядности шаманами; появление новых и значительная трансформация уже существовавших ранее обрядов; особенности отношений между шаманами, ламами и их клиентами. Актуальность данной работы заключается в привлечении новых материалов по этим малоисследованным на сегодняшний день аспектам возрождения традиционных верований и практик, а также в их анализе с использованием методов, принятых в нескольких гуманитарных дисциплинах – этнографии, этнологии, фольклористике, социологии религии.

С научно-практической точки зрения работа важна для сферы образования и может использоваться при составлении специальных курсов по этнологии и религиоведению. Представленные в диссертации качественные конкретно-этнографические материалы и выводы могут оказаться полезными для подготовки опросников количественных исследований по верованиям тувинцев и тувинской современной

этноконфессиональной ситуации. Практические материалы и методологические наработки могут использоваться учеными, представителями администрации, членами экспертно-консультативного совета при Правительстве Республики Тыва для оценки современного состояния и тенденций развития буддизма и шаманизма – традиционных конфессий тувинцев.

Степень изученности темы. До середины XIX в. Урянхайский Край был для России далекой, труднодоступной неведомой страной, а сведения о верованиях его населения – отрывочными. Лишь со второй половины позапрошлого столетия Туву посещают путешественники и ученые и начинается накопление фактического материала по мировоззрению, фольклору, верованиям и обрядам тувинцев.

Начало изучению фольклора, в том числе и текстов шаманских камланий, было положено тюркологом В.В. Радловым, побывавшим в Туве в 1861 году²; работа была продолжена его учеником Н.Ф. Катановым, который опубликовал сборник фольклорных материалов, в котором представлены и шаманские призывания³. Образцы тувинского фольклора и описания шаманских атрибутов – вместилищ духов (тув.: *ээрэн*) были представлены в публикациях ссыльного революционера Е.К. Яковлева⁴. Ценнейшие сведения о шаманских камланиях, о представлениях урянхайцев об устройстве мироздания, а также некоторые данные о монастырях Урянхайского Края были собраны во время монгольских экспедиций Г.Н. Потанина⁵.

В 1902 – 1903 гг. в Туве побывал Ф.Я. Кон. Он оставил живые, точные, во многом актуальные до сих пор заметки о своей экспедиции и сделал ряд важных замечаний, касающихся сосуществования буддистских и шаманских верований, а также «конфессиональной идентичности»

² *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. Отв. ред., автор примечаний и послесловия С.И. Вайнштейн. М., 1989.

³ Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. IX. СПб., 1907. Наречия урянхайцев (сойотов) абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым.

⁴ *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородного населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. *Он же.* Этнографические заметки о сойотах-урянхайцах. Поверья, легенды, пословицы // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского РГО. Т. 1, Вып. 3. Красноярск, 1902.

⁵ *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II, IV. СПб., 1881 и 1883. Во второй экспедиции участвовали также молодой А.В. Адрианов и жена Г.Н. Потанина – А.В. Потанина. См.: *Потанина А.В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. О судьбе монгольских и тувинских дневников А.В. Адрианова и его последующих самостоятельных работах по алтайской и тувинской этнографии см., напр.: *М.А. Дэвлет.* А.В. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. Вып. I. М., 2002.

тувинцев. По его мнению, противопоставление шаманизма буддизму совершенно неверно, сибирские же шаманы бывают «православные и буддийцы»⁶. Мнение о комплементарности, непротиворечивости буддизма и шаманизма в Туве высказывалось также английским географом Д. Каррутерсом⁷ и австрийским историком-китаистом О. Менхен-Хельфеном⁸, которые посещали Туву в 1910-1911 гг. и в 1929 гг., соответственно.

Благодаря Л.П. Потапову, В. Диосеги, П.И. Каралькину, С.И. Вайнштейну, В.П. Дьяконовой, С.Н. Соломатиной, М.Б. Кенин-Лопсану в советское время продолжался активный сбор и обобщение материалов по тувинскому шаманизму, в первую очередь с точки зрения его *исторической реконструкции*. В статьях и монографиях крупнейшего специалиста по истории и этнографии тюрков Саяно-Алтая Л.П. Потапова анализируются вопросы генезиса шаманизма; проводится источниковедческий анализ семантики шаманского бубна и других культовых предметов на материале южносибирских народов⁹. Выводы и наблюдения этнографа обобщены в специальной главе его книги «Очерки народного быта тувинцев»¹⁰. В 1991 г. вышла фундаментальная монография Л.П. Потапова, целиком посвященная шаманизму¹¹. В ней автор в сравнительной перспективе на уникальных этнографических материалах, собранных в основном им самим у народов Саяно-Алтая, развивает концепцию С.А. Токарева о шаманизме как одной из ранних форм религии¹².

В.П. Дьяконова известна как автор нескольких крупных статей и обобщающей монографии, посвященной поминально-погребальной обрядности тувинцев, в которых, в частности, рассматриваются разностадийные комплексы представлений о душах человека и устройстве мироздания¹³. Особенно стоит отметить значение работ этой исследовательницы по истории и этнографии тувинского буддизма, устройству буддистской *сангхи* (монашеской общины) и процессу взаимодействия буддизма и шаманизма на тувинской почве; космологическим представлениям тувинцев; вопросам шаманской болезни

⁶ Кон Ф.Я. За 50 лет. Т. III. Экспедиция в Сойотию. М., 1934.

⁷ Каррутерс, Д. Неизвестная Монголия. Т. 1. Урянхайский Край. Петроград, 1914.

⁸ *Mänchen-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa.* Berlin, 1931. Пер. на англ.: *Mänchen-Helfen O. Journey to Tuva.* Los-Angeles, 1931.

⁹ Потапов Л.П. Некоторые аспекты изучения сибирского шаманства // IX Международный Конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сент. 1973). М., 1973.

¹⁰ Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

¹¹ Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.

¹² Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

¹³ Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

и наследования «дара»; категориям шаманов¹⁴. В тот же период времени материалы по шаманизму у тувинцев собирал этнограф, сотрудник Тувинской Комплексной археолого-этнографической экспедиции П.И. Каралькин¹⁵.

Известнейший специалист по истории и культуре тувинцев, С.И. Вайнштейн, в своем первом монографическом исследовании «Тувинцы-тоджинцы» осветил различные аспекты материальной и духовной культуры тоджинцев – немногочисленной группы оленеводов, которая до появления этой работы была относительно мало исследована¹⁶. Ученый описал одежду и ритуальные принадлежности тоджинских шаманов (жезл, бубен), представил неизвестные материалы о «медвежьем празднике»; осветил обряды почитания шаманского дерева (*хам-ыяш*) и традиции погребения. Материалы по шаманству тоджинцев и других групп тувинцев были использованы автором для изучения генезиса тувинского шаманства; они легли в основу выделения двух его этнографических типов, предложенного автором в докладе на международном конгрессе 1964 года¹⁷. Работы С.И. Вайнштейна являют собой ценное свидетельство этнографа, которому в советское время удалось воочию наблюдать шаманов¹⁸. Изучением хакасской и тувинской шаманских традиций в 1960-е гг. занимался также венгерский ученый В. Диосеги¹⁹.

Тувинский писатель и этнограф М.Б. Кенин-Лопсан начал собирать материалы по шаманству в середине 1960-х годов. В сферу его интересов попали вопросы о категориях шаманов, о родословных потомственных шаманов; его интересовали также обрядность, атрибутика и шаманский

¹⁴ Дьяконова В.П. Цам у тувинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971. Она же. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. Она же. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1976. Она же. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. Она же. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981; Она же. Об одной категории социальной иерархии шаманов // Уч. Зап. Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 26. Кызыл, 1972; Она же. Культовые сооружения тувинцев // Полевые исследования Института этнографии – 1974. М., 1975.

¹⁵ О П.И. Каралькине см.: Функ Д.А. Тувинский шаман Шончур Тожу и его бубен (по материалам П.И. Каралькина) // Acta Ethnographica Hungarica. Budapest, Vol. 48 (3-4). 2003.

¹⁶ Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.

¹⁷ Вайнштейн С.И. Тувинское шаманство // VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

¹⁸ Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.

¹⁹ Dioszegi V. Tracing Shamans in Siberia: The Story of an Ethnographical Research Expedition. Oosterhooft (The Netherlands); N.Y., 1968.

фольклор²⁰. Собранные им тексты камланий представляют несомненную ценность для понимания механизмов «вербальной магии» шаманских гимнов-призываний (тув.: *алгыш*).

Среди работ, являющихся источником сведений о традиционной духовной культуре тувинцев в фольклорно-этнографической перспективе, следует также назвать книги специалиста по тувинскому фольклору Г.Н. Курбатского²¹, публикации С.Н. Соломатиной, З.Б. Самдан и М.В. Монгуш²². М.В. Монгуш с середины 1980-х публиковала статьи об истории тувинского буддизма, буддистской медицине и обрядах буддистов²³.

Историко-этнографическое изучение традиционных верований и обрядов тувинцев продолжилось в постсоветское время. Для темы диссертации особенно стоит отметить ценность обобщающей монографии М.В. Монгуш о буддизме в Туве²⁴. В ней детально освещены исторические этапы распространения буддизма, приведены сведения о календарных обрядах, обрядах жизненного цикла и тибетской медицине. Значительный интерес представляет книга А.К. Кужугет, в которой рассматривается вопрос о связи ритуала и театра, о драматургии шаманских и буддистских обрядов²⁵.

К современным проблемам возрождения буддизма обращалась московская исследовательница Н.П. Москаленко²⁶. Кроме того, в книге «Этнополитическая история Тувы в XX веке» она же опубликовала

²⁰ М.Б. Кенин-Лопсан. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX века. Новосибирск, 1987. *Он же*. Алгыши тувинских шаманов / Тыва хамнарнын алгыштары. Кызыл, 1995; *Он же*. Тувинские шаманы. М., 1999.

²¹ Курбатский Г.Н. Тувинские праздники. Кызыл, 1973. *Он же*. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001.

²² Соломатина С.Н. Ритуалы женщин у тувинцев // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1993; *Она же*. Албыс и шаманское избранничество у тувинцев // Традиционное мировоззрение и культура народов Сибири и сопредельных территорий. Улан-Удэ, 1990; Самдан З.Б. О некоторых особенностях собрания и изучения тувинской несказочной прозы // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. Монгуш М.В. Ламаистско-шаманский синкретизм в фольклоре тувинцев // Там же; Кужугет А.К. Традиционные нормы поведения и общения тувинцев в быту // Культура тувинцев. Традиция и современность. Кызыл, 1989.

²³ Монгуш М.В. К вопросу о проникновении буддизма в Туву // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. *Она же*. История тувинских монастырей по архивным материалам // История и филология Древнего и Средневекового Востока. М., 1987. *Она же*. Ламаизм в семейной жизни тувинцев // Культура тувинцев. Традиция и современность. Кызыл, 1989.

²⁴ М.В. Монгуш. История буддизма в Туве. Новосибирск, 2001.

²⁵ Кужугет А.К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. Кызыл, 2002.

²⁶ Москаленко Н.П. Возрождение буддизма в Туве // Полевые исследования. Т.1. Вып. 1, М., 1993.

выявленные ею архивные материалы, которые позволили пролить свет на сравнительно малоизученный вопрос о роли тувинского ламства в политической жизни ТНР²⁷.

В 1990-е гг. религиоведов, этнографов и социологов особенно привлекает проблематика религиозного «возрождения» в Туве. Работы постсоветского периода характеризуются разнообразием методологических подходов. В эти годы проводятся социологические опросы, в которых прямо или косвенно затрагивается конфессиональная идентичность. В статьях и монографии религиоведа О.М. Хомушку, приводятся данные опросов по религиозности современных тувинцев и содержанию их верований, в которых основы традиционной духовной культуры уживаются с иноконфессиональными и инокультурными заимствованиями²⁸. Вопрос о конфессиональной идентичности современных тувинцев рассматривался также в других работах²⁹. Ряд важных наблюдений о связи между конфессиональной и этнической мобилизацией тувинцев был сделан коллективом исследователей современной тувинской этнополитической ситуации под руководством М.Н. Губогло³⁰.

Психологический подход в изучении традиционных шаманских представлений и их возрождения получил развитие в диссертационной работе тувинского психолога Т.А. Ондар³¹.

Теоретические проблемы этнографии постсоветского возрождения традиционных верований тувинцев освещены в целом ряде публикаций В.И. Харитоновой³². Центральными вопросами, которые разрабатывались

²⁷ Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004.

²⁸ Хомушку О.М. Она же. Религия в истории культуры тувинцев. М., 1998; Религиозная ситуация в национальных регионах России: Республика Тува // Диалогос. Религия и общество. Вып. I. М., 2001; Она же. Традиционные религиозные верования народов Саяно-Алтая и проблемы религиозного синкретизма // Религиоведение. 2005, № 1.

²⁹ Анайбан З.В. Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М., 2005. Донсак В.С. Этническая идентичность тувинцев. Автореф. дисс... канд. соц. наук. СПб.: СПбГУ, 2003.

³⁰ Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С. Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М., 1999.

³¹ Ондар Т.А. Психологические функции шаманизма в современных социальных и политических процессах. Дисс... канд. псих. наук. М., 1998.

³² Харитоновая В.И. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Дисс. в виде научного доклада ... д.и.н., М., 2000; Она же. Религиозно-магические практики Южной Сибири: трансформации традиций в постсоветскую эпоху // Материалы Международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания. Ч.2. М., 2001. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 7 – далее: ЭИ...); Она же. Тувинский шаманизм, год 2000-й: проблемы функционирования практики и глобализация знания // Полевые исследования ИЭА РАН, 2001.; Она же. Шаманы и шаманисты. Некоторые теоретические аспекты

исследовательницей на сравнительном материале и имеют прямое отношение к теме настоящей диссертации, являются следующие: 1) соотношение уровней шаманского комплекса («профессиональный» шаманизм, шаманство и бытовое шаманство), 2) категоризация практикующих по степени владения эзотерическими знаниями и навыками («посвященные», «приобщенные» и «профаны»), 3) двоеверие и синтез верований и обрядности. Основные методологические и теоретические выводы В.И. Харитоновой обобщены в монографии по проблемам возрождения сибирского шаманизма³³. В ней также приведены сведения о процессе формирования и функционирования шаманских религиозных организаций.

Число зарубежных работ, посвященных различным аспектам постсоветского возрождения шаманизма в Туве, пока невелико. Стоит отметить статью немецкого этнолога У. Йохансен, в которой описание камлания «классического» периода шаманизма сравнивается с наблюдениями автора о «неошаманских» обрядах в обществе «Дунгур» в 1996 г. У. Йохансен подчеркивает «фольклоризацию» современного шаманизма и роль этнических факторов в реабилитации шаманизма как части индигенной культуры³⁴. Шведский антрополог Галина Линдквист применила концепцию социального поля религии французского социолога П. Бурдьё к современному городскому шаманизму в Туве и предложила очень верную интерпретацию процесса «возрождения» тувинского шаманизма и реконструкции «традиции» через анализ формирования полюсов власти в системе шаманских обществ³⁵.

Вопросы становления современных шаманов, в том числе и тувинских, и особенности тувинского шаманизма затронуты в научно-популярных работах канадского этномузыколога Киры Ван Дузен³⁶. Наконец, следует отметить, что на процессы возрождения шаманизма оказала влияние научно-практическая деятельность представителей Общества шаманских исследований (США), что отражено в публикациях³⁷.

изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик // ЭО. 2004, № 2 и др. работы автора.

³³ Харитонова В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006.

³⁴ Johansen U. Shamanism and Neoshamanism: What is the difference? // The concept of Shamanism: Uses and Abuses. Budapest, 2001 (Bibliotheca shamanistica. Vol. 10).

³⁵ Lindquist G. Healers, Leaders and Entrepreneurs: Shamanic Revival in Southern Siberia // Culture and Religion. Vol. 6 (№2), 2005.

³⁶ Van Deusen K. The shamanic gift and the performing arts in Siberia // Шаманский дар. М.: ИЭА РАН, 2000. (ЭИ... Т. 6). Она же. Singing Story, Healing Drum. Montreal, 2004.

³⁷ Uccusic P. Shamanism Alive and Well: the 1999 Legacy of the First Expedition to Tuva // Shamanism. 2005. Vol. 18 (1-2). См. также др. статьи номера.

Научная новизна работы. До недавнего времени не было специальных исследований, посвященных возрождению буддизма и шаманизма в Туве, анализирующих современный фольклорно-этнографический материал на основе методов, использованных в данной работе. Применение методов, разработанных в других общественных науках, позволяет по-новому взглянуть на современных шаманов, на процесс их становления и их техники работы, осветить вопрос о динамическом процессе заимствования шаманами обрядов и техник из буддизма, внести вклад в исследование взаимодействия между буддизмом и шаманизмом на его современном этапе. Данная диссертация представляет собой первую попытку комплексного этнолого-социологического исследования ряда проблем современного буддистского и шаманского возрождения в Республике Тыва и позволит восполнить некоторые «белые пятна» в изучении комплекса проблем, актуальных для постсоветского религиозного возрождения.

Предмет и объект исследований. Предметом диссертационного исследования является процесс постсоветского возрождения буддизма и шаманизма, в котором выделяются 3 основных аспекта: 1) создание и функционирование шаманских и буддистских организаций, рассматриваемые в связи с изменениями постсоветского законодательства в сфере религии и свободы совести; 2) проявления традиционных представлений о личности шамана в «рассказах о себе» участников процесса «возрождения» – новых тувинских шаманов; 3) трансформации буддистской и шаманской обрядности и особенности взаимодействия лам, шаманов и их клиентов, вопросы «двоеверия» как двойной шаманско-буддистской практики верующих.

Объектом настоящего исследования являются: 1) деятельность лам, большинство из которых получили начальное буддистское образование за пределами Тувы, поскольку в самой республике до сих пор не налажены институциональные механизмы передачи буддистских знаний; 2) деятельность шаманов – нового «класса» лиц, у которых в конце 1980-х или в 1990-е гг. появились возможности «профессиональных» занятий шаманской практикой; 3) наконец, поведение клиентов лам и шаманов, которые, обращаясь в храм (*хурээ*) или шаманский центр, стремятся разрешить конкретные жизненные проблемы.

В работе анализировались данные той части буддистского обрядового комплекса, в которой преследуются преимущественно *внутримирские* цели. Внутримирские буддистские практики могут быть сопоставлены с практиками шаманизма, поскольку представляют собой фактически две параллельные, во многом пересекающиеся, хотя и четко дифференцируемые тувинцами обрядовые системы.

Цель и задачи. Целью исследования является описание и анализ некоторых институциональных и социокультурных трансформаций, характеризующих постсоветское «возрождение» традиционных практик в Республике Тыва.

В основные задачи работы входит:

- 1) освещение особенностей процесса создания буддистских организаций и шаманских обществ и проблем их функционирования в современном историко-юридическом контексте, а также «внутриконфессиональных» конфликтов, определяемых доминированием отдельных групп в каждой «конфессии»;
- 2) оценка влияния культурно-политических факторов советского времени на сохранность традиционных представлений и верований;
- 3) комплексное изучение современных шаманов и их «рассказов о себе», в которых проявляются не только традиционные представления об особенностях личности шамана (шаманская болезнь, вопросы наследования духов, роль шаманов-предков), но и элементы инноваций;
- 4) анализ современного синтеза обрядности как динамического процесса индивидуальных заимствований шаманами целых обрядов или их отдельных элементов, а также переосмысления шаманами буддистских понятий и их довольно эклектичного использования при формировании собственной картины мира;
- 5) изучение социорелигиозного контекста постсоветской Тувы на основе исследования особенностей отношений между ламами, шаманами и их клиентами.

Хронологические и территориальные рамки работы. Диссертация посвящена анализу современной ситуации в Республике Тыва, поэтому акцент в исследовании сделан на материалах постсоветского времени (1991-2005 гг.). Однако изучение современности было бы невозможно без привлечения для сравнения этнографических описаний второй половины XIX – XX в.

Территориальные рамки работы были во многом определены тем, что большинство буддистских и шаманских организаций сконцентрированы в столице Тувы г. Кызыле. В ареал сбора материалов вошли также несколько районов Республики Тыва (см. Источники).

Источники. Используемые в работе источники делятся на две категории: 1) опубликованные материалы, 2) словари, 3) статистические данные и 4) полевые материалы автора.

Опубликованные материалы включают этнографические описания шаманских и буддистских обрядов и верований тувинцев конца XIX – XX века, например, «Очерки Северо-Западной Монголии» Г.Н. Потанина, «За 50 лет» Ф.Я. Кона, «Путешествия в Туву» О. Менхен-Хэдьфена; тексты

шаманских призываний (*алгышей*) и описания обрядов, опубликованные в работах М.Б. Кенин-Лопсана. Материалы по современному возрождению шаманизма и буддизма в Туве содержатся в публикациях В.И. Харитоновой, О.М. Хомушку, М.В. Монгуш. Использовались также публикации СМИ, имеющие отношение к вопросам, рассматриваемым в диссертационном исследовании («Центр Азии», «Слово», «Тувинская правда» за 1997, 1999, 2001 – 2005 гг.).

Словари потребовались для уточнения семантики понятий тувинской духовной культуры. Работа велась, например, с «Этимологическим словарем тувинского языка» под редакцией Б.И. Татаринцева³⁸.

В работе использовались *статистические данные* Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва (Тываestat) – сведения о соотношении городского и сельского населения, о его половозрастном составе, а также материалы текущего архива Правительства Республики Тыва – информация о зарегистрированных религиозных организациях Тувы за 2002, 2003, 2004 гг. (Были предоставлены К.Д. Биче-оолом – с 2002 г. Уполномоченным по делам религии при Правительстве Республики Тыва).

Полевые материалы автора составляют основу источников исследования. Полевая работа проводилась в течение трех полевых сезонов в 2002, 2003, 2004 гг. (всего 17 недель), по гранту Международного проекта «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у коренных малочисленных народов Севера РФ» (руководитель – проф. Х. Бич) и полевому гранту Высшей школы социальных исследований (EHESS, Париж). Сбор полевых материалов проводился в г. Кызыле, а также в Кызыльском, Сут-Хольском, Дзун-Хемчикском, Улуг-Хемском, Эрзинском, Овюрском районах республики. Собранный полевой материал делится на три группы:

1. Интервью с учеными, представителями местной администрации, шаманами, ламами, их клиентами и местным населением, записи фольклорных материалов (в основном тексты несказочной прозы). Всего проинтервьюировано около 60 человек. Примерно треть интервью записана на аудиопленку; в тех случаях, когда аудиозапись была невозможна, данные фиксировались в полевых дневниках.

2. Материалы, полученные путем включенного наблюдения за исполнением обрядов и внеритуальной деятельностью шаманов, лам и простых тувинцев; описания священных мест. Эти данные также зафиксированы в полевых дневниках (вместе с конспектами интервью – около 350 страниц).

3. Этнографическая фотосъемка, позволяющая восстановить ход обрядов, представить ритуальное облачение современных шаманов,

³⁸ Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2000.

предметы материальной культуры, виды священных мест (около 300 фотографий).

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации является *комплексный (междисциплинарный)* подход. В собирательской и исследовательской работе основными, были *качественные методы*, единые для ряда гуманитарных и общественных наук: *интервьюирование с открытыми и полукрытыми вопросами, включенное наблюдение, ведение полевых дневников, фотографирование, работа с фольклорными и этнографическими источниками, газетными публикациями.* В основу отбора информаторов был положен принцип «*теоретического насыщения*» и выбора контрастных случаев (например, шаманов из обществ и «независимых»; председателей обществ и «рядовых» шаманов; тех, кто стремится использовать только «традиционно шаманские» методы и тех, чье мировоззрение включает понятия, заимствованные из буддизма и современных научных и околonaучных концепций и практик (например, биоэнерготерапии)). Основными принципами представления и интерпретации первичного материала стали анализ от частного к общему, установка на конкретно-этнографическое «исследование случаев», позволяющая на микроуровне понять и интерпретировать логику обрядов и особенности трансформации верований.

В работе использован также *сравнительно-исторический метод* в основном для сопоставления материалов о современных буддистских и шаманских верованиях и обрядности с имеющимися в этнографической литературе данными о духовной культуре тувинцев «классического» периода второй половины XIX – начала XX в. Для сравнения тувинского буддизма и шаманизма с буддистскими и шаманскими традициями других регионов привлекались исследования А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, В.Н. Басилова, Е.В. Ревуненковой, Н.Л. Жуковской, А.Н. Кочетова, Э.П. Бакаевой³⁹, а также специальные словари и обобщающие работы по буддизму⁴⁰.

Проблемы бытования фольклорных текстов (несказочной прозы), в которых отражается трансформация мировоззрения «непосвященных»

³⁹ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994; Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник МАЭ. Т. IX. Ленинград, 1930; Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992; Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980; Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977; Кочетов А.Н. Ламаизм. М., 1973; Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003.

⁴⁰ Буддизм: словарь. Под общ. ред. Н.Л. Жуковской. М., 1992; Торчинов Е.А. Введение в буддологию. СПб., 2000.

тувинцев, рассматриваются на основе фольклорно-этнографических и социологических методов. Для анализа трансформации представлений о личности шамана были использованы элементы *биографического метода*, получившего развитие в качественной методологической парадигме гуманитарных наук (прежде всего, социологии), который, однако, потребовалось модифицировать в связи со спецификой материала.

Апробация диссертации. Результаты полевых работ и некоторые выводы настоящего исследования легли в основу докладов: на одном из заседаний постоянно действующего научного семинара по проблемам комплексного и междисциплинарного исследования шаманизма (ИЭА РАН, октябрь 2002); на V Конгрессе этнографов и антропологов России (Омск, 2003); на семинаре Центра монгольских и сибирских исследований Высшей школы практических наук (CEMS, EPHE, Париж, 2005); на Международном семинаре «Шаманизм и шаманское целительство: методологический и научно-практический аспекты» (Москва, 2006). Основные положения данного исследования опубликованы в ряде статей общим объемом около 8 а.л. (см.: Список публикаций по теме исследования).

Диссертация обсуждена на расширенном заседании Центра междисциплинарных исследований ИЭА РАН и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложений. Композиционно ее структура продиктована исследованием трех основных аспектов «возрождения» традиционных верований и обрядности тувинцев: 1) созданием институциональной структуры буддизма и шаманизма в постсоветское время, 2) трансформацией представлений о личности шамана и 3) трансформацией обрядовой системы буддизма и шаманизма. В Приложениях приведены современные образцы несказочной прозы, текст шаманского призывания, генеалогическое древо семьи шаманов Куулар, фотографии.

Основное содержание работы

Во Введении раскрывается степень изученности темы, определяется актуальность и особенности работы, формулируются методологические и методические основы, указываются его источники, рассматриваются предмет, объект, цели и задачи работы, характеризуются степень апробации и структура диссертации.

Глава I. «Формирование институциональной структуры буддистских и шаманских организаций» - делится на четыре параграфа. В ней

резюмируются социополитические условия драматического периода тувинской истории (поздней ТНР и советского времени), которые обусловили разрушение буддистской *сангхи* и преследования лам и шаманов; рассматриваются особенности процесса формирования и функционирования важнейших шаманских и буддистских организаций Тувы с учетом социокультурного и законодательного контекста постсоветского времени.

Первый параграф «Буддизм и шаманизм в Туве в период существования Тувинской Народной Республики (ТНР) и в советское время» посвящен краткому обзору доступных сведений об истории буддизма и шаманизма. Исторический и историко-этнографический анализ роли ламства в первые десятилетия XX в. был проведен исследовательницами О.М. Хомушку, Н.П. Москаленко и М.В. Монгуш. К моменту создания независимой Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. на территории современной Тувы мирно уживались шаманизм и буддизм. Шаманизм составлял основу местных верований, определял менталитет и этническую культуру тувинцев. Буддизм же был официальной религией и активно поддерживался феодальными правителями. Ламство являлось серьезной политической силой и едва ли не единственной образованной прослойкой в тувинском обществе того времени. Однако сложный комплекс внешне- и внутривосточных причин привел к тому, что с начала 1930-х гг. в ТНР начались преследования служителей буддистского и шаманского культов.

Борьба с куклами продолжилась после вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.). Следует отметить, что политические реалии советского времени оказали разное воздействие на шаманизм и буддизм. Буддизм как институционализируемая религия со своим духовенством, догматами, установленными формами богослужения оказался в сложном положении. Разрушение нормативной системы буддистского образования привело к фактически полному прекращению воспроизводства ламства и исчезновению того комплекса местных буддистских традиций, которые сложились во взаимодействии с добуддистскими куклами и определили региональные особенности тувинского буддизма.

Шаманизм, укорененный в родоплеменной структуре традиционного общества, был практикой шаманов-одиночек. Некоторые исследователи справедливо отмечали, что по своей природе шаманизм является не религией, но гибкой системой верований и практик посвященных, основанных на «взаимодействии» со сверхъестественными существами⁴¹. С точки зрения своей социальной природы, он отличался от буддизма отсутствием организованного корпуса служителей культа и принципиально иными механизмами передачи знаний. В период поздней

⁴¹ Харитонова В.И. Феникс из пепла?... С. 87-99.

ТНР и советское время эти особенности шаманизма сделали возможной частичную сохранность профессиональной практики шаманов⁴². Вместе с тем, шаманство - мировоззрение *приобщенных* и *профанов* (не-шаманов) способствовало сохранению фольклора о шаманах прошлого, знаний о правилах проведения некоторых обрядов и представлений об особенностях личности шамана.

В результате социокультурных и политико-экономических преобразований периода поздней ТНР (с 1930-х гг.) и советского времени (1944 – 1991 гг.) в тувинском обществе происходят глубинные трансформации. Среди самых важных – массовый переход кочевников на оседлость, развитие городов и населенных пунктов, внедрение школьного образования, формирование национальной интеллигенции. В постсоветский период тувинской истории «возрождение» традиционных верований и практик тувинцев происходит в совсем ином по сравнению с традиционным обществом социокультурном контексте.

Во втором параграфе «Изменения в государственном законодательстве в 1990-е гг.: предпосылки культурно-религиозного возрождения» приводится анализ основных юридических положений, которые определили формирование и функционирование современных буддистских и шаманских организаций. С конца 1980-х гг. наблюдается подъем интереса тувинцев к традиционным верованиям своего народа. В начале 1990-х гг. создаются буддистские и шаманские организации. Республика Тыва оказалась в числе первых российских регионов, которые изменили свое законодательство и ввели в него перечень «традиционных конфессий». К таковым в Туве относятся шаманизм, буддизм и православие.

Своеобразная «юридическая конфессионализация» шаманизма во многом предопределила особенности его «возрождения» и в целом одобрительное отношение властей к культовым и медицинским практикам шаманов. Шаманские общества Тувы («Дунгур», «Тос Дээр», «Хаттыг-тайга», «Адыг-Ээрен» и другие) зарегистрированы как религиозные организации, имеют статус юридического лица, участвуют в общественно-значимых мероприятиях. В некоторых случаях они прямо или косвенно получают поддержку от государства.

В третьем параграфе «Шаманские религиозные организации в постсоветской Туве» рассматривается вопрос о создании и функционировании системы шаманских обществ в постсоветской Туве. Создание первого шаманского общества «Дунгур» («Бубен») по инициативе ряда энтузиастов, в числе которых в первую очередь следует назвать писателя, этнографа и фольклориста М.Б. Кенин-Лопсана, заложило основы последующего формирования структуры шаманских

⁴² *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии... С. 254-258.

обществ, определило «полюса силы» в иерархии шаманов. Вследствие введенных Законом РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» требований по отношению к религиозным организациям (таковой было и общество «Дунгур») появилась одна централизованная («Тос Дээр») и местные религиозные организации шаманов. В целом шаманские общества Тувы, созданные после 1997 г., наследовали организационную модель «Дунгура».

Современное возрождение шаманизма происходит в тесном взаимодействии с теми явлениями общественной жизни, которых не существовало в конце XIX – XX в.: с гуманитарными науками и, прежде всего, с этнографией и фольклористикой, с международным «шаманским» туризмом. Общественно-политические и социокультурные трансформации привели также к изменению модели взаимоотношений между шаманами и их клиентами. В отличие от шаманов прошлого, которые проводили обряды преимущественно в рамках семьи или рода, их преемники каждый день принимают поток незнакомых им посетителей. Экономическое выживание шаманов как представителей новой «профессии» напрямую зависит от их авторитета среди клиентов, но также от эффективности и скорости их работы, что приводит к определенной коммерциализации шаманских услуг.

В четвертом параграфе *«Буддистские организации в постсоветской Туве»* рассматривается вопрос о создании буддистских религиозных организаций, некоторые проблемы их становления и их развитие в постсоветское время. Возрождение буддизма в Туве сталкивается с рядом сложностей. Во-первых, тувинские буддисты в действительности пока не могут наладить на территории республики буддистское образование, без которого невозможен качественный скачок в деле возрождения буддизма. Пропаганда философских идей буддистского учения осуществляется только приезжими тибетскими, бурятскими и монгольскими ламами. Основной формой деятельности тувинских лам является оказание обрядовых и целительских услуг населению. Во-вторых, тувинская *сангха* внутренне раздроблена. Конфликт в Управлении Камбо-Ламы (Хурээ Цеченлинг) в 2002 г. привел к фактическому отстранению нескольких тибетских лам, командированных Далай-Ламой XIV в Туву для пропаганды буддизма и просветительской работы с населением, от активного влияния на буддистскую жизнь республики и расколу тувинской буддистской общины. Вместе с тем, такие проекты буддистов, осуществляемые в сотрудничестве с представителями тувинской интеллигенции и деятелями культуры, как «Фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ», позволяют привлечь внимание тувинской, российской и зарубежной общественности к проблемам возрождения тувинского буддизма.

Глава II. «Трансформации традиционных представлений о личности шамана в постсоветский период» состоит из четырех параграфов. В ней на основе комплексного подхода анализируются «рассказы о себе» новых тувинских шаманов.

Современные шаманы в абсолютном большинстве пришли к «профессиональной» шаманской практике и начали принимать население тогда, когда это стало возможным, а именно в начале 1990-х гг. и позже. Чаще всего они – люди, чья профессиональная деятельность в советское время была весьма далека от шаманизма и каких-либо иных видов духовных практик. Вживание в роль шамана предъявляет требования к способам самолегитимации или, пользуясь выражением американского социолога И. Гофмана, к «представлению себя»⁴³ - в данном случае, в качестве лица, наделенного особыми способностями взаимодействия со «сверхъестественным» миром. Любая автобиография – не только и не столько набор фактов, сколько их подача в определенной перспективе. С этой точки зрения «рассказы о себе» шаманов могут рассматриваться как свидетельство попытки интеграции традиционных представлений в собственную автобиографию. Анализ с применением элементов *биографического метода* позволяет выявить актуальность основных символических компонентов традиционных представлений о личности шамана в автобиографических рассказах тех, кто занимается шаманской практикой сегодня.

В первом параграфе «Исследования личности в западных общественных науках (биографический метод)» приводится обзор истории сложения методологии *биографического исследования* как части парадигмы качественных методов общественных наук. Основные положения методологии были сформулированы в работах историка П. Томпсона, а также социологов Д. Берто, М. Бургос, Е.Ю. Мешеркиной и ряда других исследователей. Элементы *биографического метода* были использованы диссертанткой при анализе материалов по современным трансформациям представлений о личности шамана.

Во втором параграфе «Изучение личности шамана в отечественной и зарубежной науке» дается краткий обзор исследований, посвященных традиционным представлениям об особенностях становления сибирских шаманов. К комплексам наиболее устойчивых и распространенных представлений, выделяемым на материалах по шаманизму народов Саяно-Алтая А.В. Анохиным, Н.П. Дыренковой, В.П. Дьяконовой и другими этнографами и путешественниками, относятся «шаманская болезнь», наследование духов шаманов-предков, шаманские генеалогии. Именно эти представления в традиционном обществе отличали шамана от не-шамана;

⁴³ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

они же, в трансформированном виде, служат целям самолегитимации современных шаманов.

В третьем параграфе «Личность шамана в современных представлениях (методологические установки и методы исследования)» формулируются методологические установки, которые легли в основу конкретно-этнографического изучения автобиографических нарративов современных тувинских шаманов. В шаманских «рассказах о себе» реалистичная информация и факты биографии переплетены со «сверхъестественными» эпизодами, в которых повествуется о «встречах» с духами и случаях проявления необычных способностей будущих избранников.

В четырех пунктах четвертого параграфа «Исследования личности шамана на основе современных полевых материалов» собранные материалы анализируются на основе комплексного подхода. Некоторые части шаманских «рассказов о себе» соотносятся с образцами жанров несказочной прозы – быличками и бывальщинами (суверными меморатами и фабулатами). Основания выделения жанров устной несказочной прозы были разработаны фольклористами-славистами К.В. Чистовым, Э.В. Померанцевой, Н.А. Криничной. К несказочной прозе народов Сибири обращалась Е.С. Новик⁴⁴. Исследователями был выделен ряд характерных для несказочной прозы черт - повествование преимущественно от первого лица, установка на достоверность рассказываемой информации, связь с системой актуальных верований и другие. Рассказывание быличек и бывальщин в современном тувинском обществе – живая и широко распространенная традиция. Она не является привилегией только шаманов, однако именно они активно переосмысливают ее и используют для легитимации своих шаманских способностей.

В первом пункте четвертого параграфа «Шаманские «рассказы о себе» рассматриваются шаманские автобиографические нарративы, отдельные части которых соотносятся с текстами жанров несказочной прозы – быличками и бывальщинами.

Во втором пункте четвертого параграфа «Рассказы шаманов о предках и духах-помощниках» анализируются те фрагменты «рассказов о себе», в которых повествуется о значимых предках (ими могут быть шаманы, «знающие» и ламы). В традиционном тувинском шаманизме существовало представление о потомственных шаманах как наиболее сильных, по сравнению с теми, кто получил «дар» иными путями. Это представление живо до сих пор. Шаманское наследие стоит понимать не столько как реальную передачу знаний и навыков работы (что в условиях

⁴⁴ Новик Е.С. К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986.

советского времени было в большинстве случаев невозможно), сколько как символически значимый *«надтекст»*, который легитимирует шамана в глазах коллег и клиентов и подчеркивает его относительно большую, по сравнению с непотомственными шаманами, силу.

В третьем пункте четвертого параграфа *«Шаманская болезнь» и проявление необычных способностей в детстве и юности»* дан анализ тех фрагментов «рассказов о себе», в которых реализуются представления о шаманской болезни и случаях проявления необычных способностей будущего избранника. Традиционные знания о шаманской болезни выражены нечетко и подвергаются трансформациям: речь, как правило, идет не о «мучении» избранника духами, а о физических и психосоматических недугах, которые связываются шаманом (иногда довольно искусственно) с проявлением шаманской болезни. На первый план в рассказах о становлении выходят сверхъестественные эпизоды – встречи с духами традиционных тувинских представлений (злыми духами *четкер, аза, албыс*, духами-хозяевами местности *ээлер*, «двойниками» умерших *сюнезин* и т.д.). Духи вступают в контакт с избранником и зачастую передают ему важную информацию. Также в «рассказах о себе» проявляются мотивы видения и слышания духов, приводятся сообщения о проявлениях предвидения и других необычных способностях, которые маркируют отличия шамана от не-шамана.

Четвертый пункт четвертого параграфа *«Ховалыгмаа Куулар: история семьи и становление шаманки»* посвящен конкретно-этнографическому *«исследованию случая»* одной из самых интересных представительниц современного шаманского мира Тувы – шаманки Х.Э. Куулар. В ее «рассказе о себе» ярко выражены все вышеупомянутые мотивы. В нем также проявилась характерная особенность становления многих других современных тувинских шаманов - влияние буддизма и познаний в области биоэнерготерапии на формирование ее индивидуального мировоззрения и техник работы.

В Главе III *«Возрождение и трансформации обрядовой практики лам и шаманов в постсоветский период»* освещаются проблемы возрождения и трансформации современной буддистской и шаманской обрядности. Буддизм со времени его появления в Туве находился в постоянном взаимодействии с традиционными верованиями, основанными, в том числе, на шаманских представлениях. Это взаимодействие продолжается и на постсоветском этапе тувинской истории, но оно обретает новые формы выражения. В главе представлен анализ современных материалов по возрождению буддистской и шаманской обрядности с разграничением нескольких аспектов взаимодействия буддизма и шаманизма в Туве.

В этнографической литературе по традиционной духовной культуре и обрядности бурят, калмыков, монголов, тувинцев значительное внимание

уделялось вопросу появления вариантов религиозного *синкретизма*. Изучением различных аспектов формирования местных традиций буддизма и шаманско-буддистского синкретизма на материале стран центральноазиатского региона занимались А.М. Пятигорский, В.П. Дьяконова, Н.Л. Жуковская, К.М. Герасимова, Г.Р. Галданова, Э.П. Бакаева, М.В. Монгуш и другие исследователи.

Глава состоит из четырех параграфов. В первом – «Методологический аспект: синкретизм – бриколаж – двоеверие» для характеристики современных трансформаций эволюции шаманской и буддистской обрядовых систем вводятся разработанные в этнологии понятия и термины, необходимые для анализа различных аспектов феномена: собственно *синкретизм*, *бриколаж*, *обрядовый параллелизм*, *двоеверие*. Необходимость разделения понятий продиктована сложностями в использовании термина синкретизм. С одной стороны, в современных обрядах наблюдается то, что именуется в этнографии *синкретизмом* в отношении ситуации, сложившейся в конце XIX – начале XX в.⁴⁵ С другой стороны, постсоветский шаманизм продолжает заимствовать из буддизма целые обряды и их элементы. Эти заимствования в основном имеют не универсальный, а спорадический и индивидуальный характер и являются собой пример *бриколажа*⁴⁶ в мировоззрении и обрядности. Вместе с тем, заимствования обрядов и их отдельных элементов не ведут к стиранию границ между буддизмом и шаманизмом, которые четко дифференцируются как самими ламами и шаманами, так и их клиентами. Этот тип социокультурного поведения вслед за А.М. Пятигорским стоит именовать *обрядовым параллелизмом*, при котором в буддизме и шаманизме имеются аналогичные обряды, преследующие сходные, весьма конкретные и прагматичные *внутримирские* цели. В таких условиях клиенты лам и шаманов в соответствии со своими представлениями о сферах компетенции этих лиц зачастую обращаются как к первым, так и ко вторым, а иногда к тем и другим поочередно. Данная ситуация определяется в диссертации как ситуация *двоеверия*.

Во втором параграфе «Историографический аспект: взаимодействие буддизма и шаманизма в Туве во второй половине XIX – начале XX века» приводится краткий обзор истории взаимодействия буддизма и шаманизма в Туве, основных методов миссионерской работы лам, сложения специфических черт тувинской буддистской обрядности, проблем социальной и культурной адаптации буддизма.

В четырех пунктах третьего параграфа «Обряды лам и шаманов в постсоветской Туве» представлен анализ четырех разновидностей обрядов

⁴⁵ О сложностях использования термина *синкретизм* в применении к современным материалам подробно см. текст диссертации (Гл. 3, § 1).

⁴⁶ *Левин-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1999 (Первое издание на фр. языке см. *Lévi-Strauss C.* La pensée sauvage. Paris, 1962).

(в их буддистском и шаманском вариантах). Буддистские и шаманские обряды, преследующие одни и те же *внутримирские* цели, опираются на сходные представления о причинах нарушения гармонии в жизни человека и о способах исправления таких нарушений. Рассматриваются следующие параллельные разновидности обрядов: 1) «астрологические»; 2) обряды очищения в целях избавления от злых духов или «порчи» (тув.: *доора*), которое может включать как очищение мест жительства или транспортных средств, так и во многих случаях - лечение; 3) «призывание счастья» и 4) поклонение духам-хозяевам местностей. Анализ материалов выявляет значительную гибкость современного шаманизма в том, что касается заимствования из буддизма отдельных элементов или целых обрядов, их переосмысления и встраивания в возрождающуюся систему шаманской обрядности.

В четвертом параграфе *«Двоеверие современных тувинцев»* проанализирована «двойная практика» (буддистско-шаманская) клиентов лам и шаманов и сформулированы некоторые гипотезы для дальнейшей разработки теоретического аспекта исследования ситуации *двоеверия*. Создается впечатление, что клиенты, обращаясь к ламе или шаману, чаще всего подбирают специалиста не столько в соответствии со своей «религиозной идентичностью» (которая может быть выражена слабо), сколько руководствуясь прагматичными критериями – доверием, ожиданием эффективности помощи, личным авторитетом ламы или шамана и своими представлениями об их сферах компетенции. Зачастую они дублируют обряды, обращаясь и к ламе, и к шаману. Это позволяет говорить о феномене *двоеверия* как двойной буддистско-шаманской практике клиентов и ставить вопрос о целесообразности применения понятия «конфессиональная идентичность» к анализу тувинского постсоветского «религиозного» возрождения.

В Заключении дается краткий обзор основных положений исследования и подводятся его итоги.

В диссертационной работе были поставлены задачи изучения процесса, условно определяемого как «возрождение» традиционных верований и практик тувинцев. В нем были выделены три основных аспекта: 1) формирование *институциональной структуры* шаманских и буддистских религиозных организаций; 2) *появление новой группы лиц*, которые входят в роль шаманов, и связанные с этой ролью особенности их самолегитимации, которые выражаются в том числе через шаманские «рассказы о себе»; 3) возрождение, эволюция и трансформации *буддистской и шаманской обрядности*.

Своеобразная «юридическая конфессионализация» шаманизма, прописанная в Законе Республики Тыва от 1995 г. «О свободе совести и религиозных организациях» и отнесение шаманизма к числу

традиционных конфессий Тувы, заложили основу для неформального сотрудничества шаманских обществ и государственных структур. Формирование институциональной структуры шаманских организаций было во многом неестественным и «кантитрадиционным» явлением, которое можно расценивать как феномен институциональной адаптации возрождающейся шаманской практики к законодательному и социально-политическому контексту постсоветского времени. Однако на начальном этапе постсоветской истории Тувы именно иерархическая структура шаманских обществ стала одним из ключевых факторов, влиявших на эволюцию, трансформацию и реконструкцию шаманской практики.

Организационная структура шаманских обществ дала возможность множеству лиц, почувствовавших в себе желание и возможности заниматься обрядовой практикой, попробовать свои силы в роли шаманов. Требования, налагаемые новой «профессией», заставляли «избранников духов» творчески переосмысливать свое семейное наследие и знания, чаще всего полученные от *профанов* или *приобщенных* хранителей традиции, и интегрировать их в свое представление о себе, о мироздании, о способах воздействия на сверхъестественный мир. Проблема «представления себя» стоит для шаманов особенно остро. С одной стороны, традиционалистский дискурс идеологов возрождения шаманизма и председателей шаманских обществ требует максимального соответствия тому образу шамана, который можно частично реконструировать по источникам. С другой стороны, сбой в передаче шаманских знаний и навыков не могли не создать лакун в целомом функционировании шаманизма как практики посвященных. Эти лакуны активно заполняются путем *бриколажа* – интеграции заимствований из буддизма, а также из современных научных и околонучных концепций и целительских систем (например, биоэнерготерапии).

Совсем иные проблемы стоят сегодня перед буддизмом. Основные задачи, обусловленные полным разрушением буддистского образования в советское время – восстановление механизмов воспроизводства ламства в самой Туве и создание единой и неразобщенной *сангхи*, которая в полной мере обеспечивала бы потребности населения в обрядовой помощи и удовлетворяла бы растущий интерес тувинцев к философии и этике буддизма. На сегодняшний день можно говорить лишь о возрождении обрядовой сферы буддизма, тогда как попытки наладить широкомасштабную просветительскую деятельность по пропаганде буддистского учения сталкиваются с рядом сложностей.

«Возрождение» шаманизма и буддизма – всего лишь условное обозначение целого комплекса разноуровневых процессов трансформации традиционных верований тувинцев в постсоветское время. Последнее пятнадцатилетие было озаменовано как достаточно динамичным процессом создания новой институциональной структуры шаманских и

буддистских организаций, так и рядом перегибов и проблем переходного периода. Однако значительная степень сохранности мировоззрения и фольклора, активное использование тувинцами родного языка в повседневной жизни, интерес к культуре своего народа и сильное этническое самосознание позволяют предположить, что на новом этапе исторического пути Тувы эволюция буддизма и шаманизма будет продолжаться.

Список работ, опубликованных по теме исследования

1. Некоторые аспекты современного возрождения буддийской и шаманской обрядности в Туве (буддийский гороскоп и «астрологические» обряды) // *Этнографическое обозрение*. 2006, №6 (ноябрь). С. 1-15.
2. Злые духи, представления о порче и обряды очищения в современном тувинском шаманизме // *Этнографическое обозрение*. 2007, № 4. (1,3 п.л., в печати).
3. *Перевод с фр. яз. и комментарии: Амайон Р.* Покончить с терминами «транс» и «экстаз» в исследованиях шаманизма // *Этнографическое обозрение*. 2007, № 1. С. 6-18.
4. Lieux sacrés de la vallée du Haut Iskin (Touva): traditions orales et pratiques rituelles // *Etudes Mongoles, Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines (EMSCAT)*, 2007. P. 44-58 (на фр. яз.).
5. Традиционные представления о личности шамана // *Материалы Международного семинара (М., 17-20 августа 2006 г.) «Шаманизм и шаманское целительство: методологический и научно-практический аспекты»*. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 35-45 (0,5 п.л., в печати). (*Международная серия научных трудов «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам»*. Т. 12.)
6. Сакральные места долины реки Верхний Ишкин (Тува): локальный фольклор и традиции поклонения // *Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН*. М.: Наука, 2006. С. 96-112.
7. Истории жизни и «рассказы о становлении» постсоветских шаманов в Республике Тыва // *Практика постсоветских адаптаций народов Сибири*. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 197-225.
8. «Мои хозяева меня научили...». Семейное наследие и личное знание тувинской шаманки Ховалыгмы Куулар // *Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий*. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 250-280 (*Международная серия научных трудов «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам»*. Т. 11.)
9. Р.С. Назык-Доржу // *Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий*. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 323-342 (*Международная серия научных трудов «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам»*. Т. 11.)
10. The emergence of a new social identity: trajectories and biographies of post-soviet shamans in the republic of Tuva // *Post-soviet Transformations / Eds. Hugh Beach, Dmitri Funk and Lennard Sillanpaa*. Uppsala. 2005. P. 81 – 90 (на англ. яз.)
11. Des chamanes et des lamas. Conversion, coexistence et interaction entre chamanisme et bouddhisme en Asie Centrale // *Religions & Histoire*. № 5 (novembre-décembre), 2005. P. 58-62 (на фр. яз.)

12. Светская культура в возрождении традиционной религии: о музыкальном фестивале «Устуу-Хурээ» (Республика Тыва) // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 272-273.

13. Тувинское «двоеверие» и логика выбора // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 2003. С. 312.

14. Полевая работа в городских условиях на примере Московского центра Ассоциации буддистов школы Карма Кагью // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 75-93.

Научное редактирование:

15. Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий. М.: ИЭА РАН, 2005. 365 С. (*член редколлегии, отв. за русскоязычные публикации*) (*Международная серия научных трудов «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 11*).

Подписано к печати 26.12.2006
Формат 60 x 84 1/ 16. 1,5 п.л.
Тираж 80 экз. Заказ № 8

Отпечатано на Участке оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН,
г. Москва, ул. Вавилова, 46

